

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'37

DOI 10.17223/19986645/30/1

И.В. Башкова

ИДИОГЛОССА КРЕСТЬЯНИН В ДИСКУРСЕ В.П. АСТАФЬЕВА

В статье рассматривается семантика идиоглоссы «крестьянин» в дискурсе В.П. Астафьева. Выделяются и сопоставляются два её значения, доказываемая важность семантического анализа для реконструкции авторской картины мира. Особое внимание уделяется таким смысловым признакам, как «внутренний облик человека» и «отношение говорящего к данному человеку». Исследование проводится с позиций семантической лингвоперсонологии на материале ключевых произведений В.П. Астафьева: книг «Последний поклон», «Царь-рыба», «Затеси» и романа «Прокляты и убиты».

Ключевые слова: идиоглосса, авторская картина мира, семантика, компонентный анализ, языковая личность, крестьянин, В.П. Астафьев.

В данной статье излагаются результаты исследования того, как в значении слова *крестьянин* в произведениях «Царь-рыба», «Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Затеси» проявляется своеобразие мировидения В.П. Астафьева. Анализ проводится с позиций семантического направления в лингвоперсонологии.

К настоящему времени в лингвоперсонологии сложилось несколько направлений. Уже можно говорить об отдельных лингвистических школах, работающих в данной области, таких как московская, томская, барнаульско-кемеровская, волгоградская и саратовская. Библиографический список по проблемам изучения языковой личности в 2011 г. включал более 2400 наименований (см. [1. С. 278–471]). Сейчас он, конечно же, увеличился.

Так как языковая личность – сложный многоаспектный феномен, то и пути её изучения различны. В последнее время усилился интерес к её вербально-семантическому и когнитивному уровням. В ряде работ проводится комплексный анализ семантических категорий в дискурсе языковой личности. Приведу лишь несколько примеров. Так, Т.А. Демешкина, анализируя эпистолярный дискурс Н.В. Гоголя, выявляет авторскую модель пространства и приходит к выводу, что «в письмах Гоголя из Италии при описании пространства отражены и мифологический, и религиозный типы сознания» [2. С. 17]. Л.Б. Крюкова через лингвистическое моделирование восприятия в поэтическом тексте описывает авторское моделирование мира в стихотворениях поэтов Серебряного века (см. [3. С. 150–187]).

Базой для анализа концептосферы дискурсопорождающих субъектов становится интенсивное развитие авторской лексикографии (см. [4]). Например, «Полный словарь диалектной языковой личности» стал источником для выявления аксиологических установок личности через анализ семантики и па-

радикальности слов, входящих в определенные словообразовательные гнезда (см. [5]). Эффективным инструментом для исследования творческой языковой личности может стать анализ семантики **идиоглоссы**, т.е. лексической единицы, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, является отражением главных мирообразующих идей автора и служит концентрированным выражением специфики его языка и стиля. «В семиотическом аспекте идиоглосса – это слово-знак, но не обычный, а знак сублимированный, знак второго порядка, поскольку его содержанием является не только семантическая составляющая, как у обычного слова, но также миротворяющая функция строительного элемента в картине мира автора» [6. С. 111].

Анализ идиоглоссария позволяет раскрыть мир писателя как языковой личности. Основу идиоглоссария составляет антропоцентрическая лексика, ядром которой являются слова, называющие человека. Выделяя семантические примитивы – минимальные и объясняющие самое себя элементы «алфавита человеческих мыслей», А. Вежицкая на первое место ставит «субстантивы»: я, ты, кто-то, что-то, люди (см. [7. С. 331]). Отсюда можно сделать вывод о том, что существительные, обозначающие человека, репрезентируют основные идеи языковой картины мира и главные смыслы авторской картины мира, под которой в данной статье понимается система представлений о мире, отраженная в языке писателя.

При изучении мировидения языковой личности могут быть использованы достижения современной семантики. На наш взгляд, наиболее серьезными исследованиями в этой области являются работы московской семантической школы под руководством Ю.Д. Апресяна. Подготовленный представителями этой школы «Новый объяснительный словарь синонимов» на материале корпуса текстов, включающего 34 000 000 словоупотреблений, – пример практического воплощения теоретических постулатов семантики. Один из принципов, на которых основывается «Новый объяснительный словарь синонимов», – это ориентация на отражение «наивной», или языковой, картины мира (см. [8. С. IX]).

Как отмечают представители новомосковской школы концептуального анализа, «наличие общей для всех носителей языка картины мира не нарушает их свободу и возможность руководствоваться своей индивидуальной «картиной мира». «Неявные» компоненты смысла могут попасть в фокус внимания носителя языка и стать объектом метаязыковой рефлексии (часто в таких случаях мы имеем дело с употреблением языковой единицы в рамках «метаязыковых» рассуждений). Кроме того, носитель языка может вообще отказаться от употребления какой-то языковой единицы или же сознательно «модифицировать» значение и употреблять ее, мысленно устранив «неявные» элементы смысла, если они соответствуют представлениям о мире, которые он не разделяет. В случаях такого рода имеет место особый «сдвинутый» режим употребления языковой единицы, и они не подрывают общего принципа, в соответствии с которым языковая концептуализация мира формируется «презумпциями», т.е. неявными элементами смысла языковых единиц» [9. С. 307].

В языке есть много слов для обозначения человека. В «Русском семантическом словаре» в раздел «Названия лиц» вошло 15 000 единиц, частотны такие единицы и в дискурсе В.П. Астафьева. Так, в книге «Последний по-

клон» насчитывается 1463 нарицательных существительных, обозначающих человека, в «Царь-рыбе» – 1114, в романе «Прокляты и убиты» – 1659. Получается, что примерно десятую часть русских слов, обозначающих человека, использует писатель в своих главных книгах. Существительные, относящиеся к лексико-семантическому полю «человек», после служебных слов и местоимений являются самыми употребительными в художественном тексте (так, в романе «Последний поклон» слово *бабушка* встречается 992 раза), но не только частотность определяет значимость слова для выражения основных идей автора. Покажем это на примере идиоглоссы *крестьянин*, которая в книге «Последний поклон» употребляется 25 раз. Для сравнения: в книге «Затеси» – 23, в романе «Прокляты и убиты» – 13, в повествовании «Царь-рыба» – 4 раза.

Слово *крестьянин* входит в семантическое поле существительных, называющих человека по принадлежности к социальному классу или сословию, по его экономическому и правовому статусам. В книге «Последний поклон» это поле включает следующие слова (в скобках указана частота употребления): *антelligент* (1), *баба* (132), *батрак* (3), *батрачка* (1), *буржуй* (3), «*бывшая*» (1), «*бывшие*» (1), *господа* (3), *казак* (5), *капиталистка* (1), *колхозник* (2), *крестьянин* (25), *крестьянка* (2), *кулак* (2), *кулачка* (2), *купец* (1), *купчиха* (2), *мужик* (231), *нэпман* (1), *подкулачник* (2), *подкулачница* (2), *пролетарий* (12), *работяга* (3), *рабочий* (9), *разночинец* (1), *раскулаченные* (5), *середнячки* (1), *состоятельства* (1), *служащий* (4), *трудолюбивый* (4), *трудолюбивая* (5), *трудолюбивая* (4), *частник* (2), *эксплуататор* (2), *элемент* (10). Следует оговориться, что многие из этих слов многозначные и в рассматриваемое поле входят не во всех своих значениях.

Особое положение в этом поле занимают слова *мужик* и *баба* в связи с особенностью их бытования в устной речи: они могут называть как конкретного человека, так и указывать на его принадлежность к определенному типу. В «Русском семантическом словаре» слова *мужик* и *баба* в первом значении вместе со словом *крестьянин* включены в группу «По принадлежности к простому народу, к непривилегированным слоям общества» и толкуются через синонимы *крестьянин* и *крестьянка*: *мужик* – «крестьянин, а также вообще человек из простонародья (прост.)» [10. С. 134], *баба* – «крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (преимущ. о замужней или вдове) (прост.)» [10. С. 133]. (Заметим, что данные толкования перекликаются с представлением значения этих слов в словаре В.И. Даля: *мужик* – «муж, мужчина простолюдин, человек низшего сословия; крестьянин, поселянин, селянин, пахарь, земледел, земледелец, землепашец, хлебопашец; тягловый крестьянин, семьянин и хозяин» [11. Т. 2. С. 357], *баба* – «замужняя женщина низших сословий, особ. после первых лет, когда она была *молодкой*, *молодицею*, или вдова» [11. Т. 1. С. 32].)

В настоящей статье следует обратить внимание на то, что слова *мужик* и *баба* в дискурсе В.П. Астафьева во многих случаях являются синонимами или аналогами слов *крестьянин* и *крестьянка*: *Существовал закон, защищающий интересы крестьян. Но мужики закона того не знали* [12. Т. 4. С. 232]. *Тишком, бочком просочатся деревенские бабы в избу учителя и забудут там кринку молока либо сметанки, творогу, брусники туесок* [12. Т. 4.

С. 152]. *Жизнь прожила она длинную и трудную, как и многие овсянские бабы* [12. Т. 5. С. 85]. *Мужики и бабы растерянно замолкли по своим сельским дворам, на беспризорную землю от леса двинулась трава, боярышник, бузина и всякая лесная нечисть* [12. Т. 4. С. 232]. *В тот год, именно в тот год, безлошадный и голодный, появились на зимнике мужики и бабы с котомками, понесли барахло и золотишко, у кого оно было, на мену, в «Торгсин»* [12. Т. 4. С. 105].

Тема уничтожения крестьянства – одна из важнейших в творчестве В.П. Астафьева, об этом многократно писали филологи и критики. Приведу для примера только одну цитату: «Центральная идея астафьевской историософии, которая начала формироваться еще в «Пастухе и пастушке» (1-я ред. – 1967 г.) и получила концептуальное завершение в романе «Прокляты и убиты» (1994–1995), утверждала крестьянский образ жизни как единственно продуктивный и подлинно творческий, а отказ от него как заслуживающее возмездия предательство человеком своего предназначения» [13. С. 104].

В процессе исследования было выявлено два ключевых значения идиолоссы *крестьянин* в дискурсе В.П. Астафьева. Их анализ в настоящей статье будет представлен в следующем порядке: а) толкование когнитивного макрокомпонента значения; б) описание прагматического макрокомпонента значения – выделение ассоциативных и эмоционально-оценочных смысловых признаков, приобретенных словом в контексте произведений В.П. Астафьева; в) подкрепленный иллюстрациями лингвистический комментарий к выделенным смысловым признакам.

Толкование значения (а) дается на основании сопоставления толкований, представленных в разных словарях русского языка [14–18], с дискурсом В.П. Астафьева. Во всех рассмотренных словарях семантика слова *крестьянин* содержит только когнитивный макрокомпонент значения. В ряде словарей у этого слова выделяется одно значение: «сельский житель, занимающийся возделыванием сельскохозяйственных культур и разведением сельскохозяйственных животных как своей основной работой» [14. С. 313], «сельский житель, основным занятием которого является обработка земли и разведение скота», отмечается также, что слово употребляется в собирательном значении [15. С. 627], «сельский житель, принадлежащий к крестьянству – социально-экономическому слою людей, занимающихся земледелием и разведением сельскохозяйственных животных как своей основной работой» [10. С. 134].

Другие же словари вычленивают два значения у слова *крестьянин*. «1. Мелкий товаропроизводитель в сельском хозяйстве, владеющий средствами производства и непосредственно прилагающий свой труд в производстве <...> 2. Лицо, принадлежащее к низшему податному сословию» [16. Стб. 1512–1513]. «1. Сельский житель, основным занятием которого является обработка земли <...> 2. Представитель низшего податного сословия в дореволюционной России» [17. С. 128]. «1. Сельский житель, основным занятием которого является обработка земли; земледелец. 2. В России до 1917 г.: представитель низшего податного сословия» [18]. Как видим, при некоторой разнице в толкованиях словари разделяют значение на коллективное и индивидуальное.

Анализ произведений В.П. Астафьева показал, что для писателя выделение в слове *крестьянин* двух значений тоже важно, вместе с тем в конкретных текстах наблюдается небольшой семантический сдвиг в этих значениях.

Под ассоциативными и эмоционально-оценочными смысловыми признаками (б) в данной статье понимаются коннотативные прагматические смыслы, приобретенные словом в контексте произведений В.П. Астафьева. Эти признаки проявляются не всегда, однако они частотны и отражают общее целостное восприятие автором людей, называемых словом *крестьянин*.

Подкрепленный иллюстрациями лингвистический комментарий к выделенным смысловым признакам в данной статье представлен в отдельной части (в). Такое расположение материала (сначала б – перечисление всех прагматических смысловых признаков, а затем иллюстрации и комментарий – в) не соответствует ходу исследования, поскольку, конечно же, для исследователя первичен текст, и выводы делаются на основании его анализа, однако это расположение позволяет показать признаки в комплексе, во взаимосвязи, что является важным при осмыслении значения слова.

Крестьянин 1.

а) Толкование когнитивного макрокомпонента значения: 'сельский житель, который имеет свой дом, свое хозяйство, землю (пашню, заимку, огород), трудится, возделывает землю, живет землей'. <...> *покудова есть семена, есть пашня, в которую можно бросить их и вырастить хлеб, он крестьянин, хозяин, а не нищелюб* [12. Т. 4. С. 8]. *Дядя мой, младший Кольча, по роду и характеру своему был крестьянин, пашенный человек* [12. Т. 7. С. 226].

В данном толковании были использованы слова, которые употребляет сам писатель в своих книгах, были учтены следующие контексты: *иметь свой дом, свое хозяйство, трудиться* [12. Т. 7. С. 122]; *вытеснение местных крестьян с их пашен и заимок* [12. Т. 7. С. 128]; *от века жившие землей* [12. Т. 4. С. 232]; *земли, возделанной руками крестьянина* [12. Т. 7. С. 254], название повести «*Ода русскому огороду*».

Анализ дискурса В.П. Астафьева показал, что в первом, индивидуальном, значении слова *крестьянин* в художественных текстах этого автора важен смысловой признак, указывающий на материальное положение крестьянина, содержащийся в толковании Д.Н. Ушакова – 'владеющий средствами производства'. (Заметим, что основное средство производства для крестьянина – это земля). Другие словари не выделяют этого признака, но В.П. Астафьев подчеркивает в своих произведениях, что именно наличие земли в собственности крестьян во многом определяет их образ жизни и человеческие качества (см. примеры, приведенные выше).

б) Прагматический макрокомпонент значения – ассоциативные и эмоционально-оценочные смысловые признаки, приобретенные словом *крестьянин 1* в контексте произведений В.П. Астафьева: 1) внутренний облик человека (обладает чувством собственного достоинства, уверенный, надежный человек, живет в гармонии с природой, чувствует связь с родной землей, в то же время бесхитроsten, не умеет приспосабливаться к жестокому миру); 2) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (уважение).

в) Лингвистический комментарий к выделенным ассоциативным и эмоционально-оценочным смысловым признакам слова *крестьянин* 1:

Создавая обобщенное представление о крестьянине, писатель выделяет в его внутреннем облике такие человеческие качества, как уравновешенность, солидность, уверенность: <...> я думаю, и **уравновешенность, солидность крестьян, их уверенность** в вечности земного бытия, неизменности уклада жизни происходили от кормящей их, работающей безотказно бок о бок с ними деревенской животины <...> [12. Т. 4. С. 432].

Писатель подчеркивает надежность крестьян, использует при этом метафору: **Крестьянин** – он не только кормилец, он **человек оседлый, надежный, он – якорь жизни** [12. Т. 6. С. 207].

В.П. Астафьев пишет о внутреннем достоинстве крестьянина в миниатюре «Крестьянин»: **Парень <...> с прямым доверительным взглядом и тем достоинством** в каждом движении, в слове и в улыбке, которое дается истинным труженикам земли <...> [12. Т. 7. С. 343].

Особое внимание писатель обращает на такое качество, как духовность, стремление увидеть смысл жизни, при этом ставит неграмотного крестьянина в один ряд с величайшим русским мыслителем Л.Н. Толстым: <...> процесс понимания мира титаном мысли, разрываемым внутренними противоречиями, скажем, Львом Толстым, постижение им архисложных философских глубин, и **духовное напряжение неграмотного крестьянина, задающего себе вопрос: «Что есть я и земля?»** – не менее сложен и не менее мучителен [12. Т. 7. С. 536].

Вместе с тем В.П. Астафьев видит в крестьянине бесхитрость и неумение приспособливаться к жестокому миру: **Вот только не получалось у них – у смоленского крестьянина и вятского мужика – удобного в жизни устройства, не могли, не умели они приспособить себя к этому загогулистому, мудрому и жестокому миру – больно они простоваты, бесхитростны умом – стало быть, поднимайся из-за камней, иди в воду, под выстрелы, в огонь иди** [12. Т. 10. С. 441].

Описание внутреннего облика крестьянина, акцентирование внимания на таких человеческих качествах говорит об уважительном отношении автора к типу людей, названных этим словом.

Крестьянин 2.

а) Толкование когнитивного макрокомпонента значения: 'человек, принадлежавший к крестьянству, социальному классу, который истребила советская власть во время коллективизации'. **Вчерашние крестьяне** стали ничем, потеряли основу жизни, свое хозяйство и сделались междомками [12. Т. 5. С. 350]. **Плануя бросок за фокинскую речку, где затаился и помалкивал самый коварный враг – наиболее крепкий и справный крестьянин, овсянские большевики собирались с новыми силами** [12. Т. 5. С. 344].

Все рассмотренные нами словари, выделяющие второе, коллективное, значение слова *крестьянин*, указывают на дореволюционную Россию (см. толкования выше). Однако В.П. Астафьев показывает в своих произведениях советскую Россию, говоря об истреблении крестьян в СССР, он прежде всего описывает события 30-х гг. XX в.: **С тридцатых годов, с полного воцарения в стране победного строя большевиков** началось вытеснение местных

крестьян с их пашен и заимок <...> [12. Т. 7. С. 128]. Таким образом, коллективное значение слова *крестьянин* в дискурсе В.П. Астафьева относится ко времени коллективизации: тогда сословия уже были отменены и актуальным стало понятие класса. (Заметим, что в некоторых словарях у слова *крестьянство* выделяется три значения, при этом разделяются класс и сословие. «1. Класс крестьян <...> 2. Крестьянское сословие в до-революционной России. 3. *Устар.* и *прост.* Крестьянский труд, земледелие» [17. С. 128]. «1. Класс крестьян. 2. В России до 1917 г.: низшее податное сословие, состоящее из крестьян. 3. *Разг.* Крестьянский труд, земледелие» [18].)

Отличительной особенностью художественных произведений В.П. Астафьева является то, что в них показан процесс уничтожения крестьян как социальной общности. В дискурсе В.П. Астафьева внимание акцентируется на взаимоотношениях крестьян с уничтожавшими их коммунистической партией и советской властью: *Родная и до стону народом любимая партия и ее подручная, ополумевшая от успехов, безнаказанности и разнузданности, советская власть в очередной раз перетряхивала страну, как старую вишивую шубу, и гнала с места на место народ, в первую голову крестьян <...>* [12. Т. 7. С. 122]. *Уже имеющие богатый опыт переселений, изгнаний, изводов, истребления крестьян, советские молодцы сбросали полячишек в вагоны и повезли вперед, на восток* [12. Т. 7. С. 510].

При описании второго значения слова *крестьянин* перед нами встала проблема выбора глагола для обозначения действий советской власти. Из ряда: *уничтожить, ликвидировать, истребить* – было выбрано последнее слово, потому что оно характерно для идиолекта В.П. Астафьева: *Люди, в особенности наши дорогие соотечественники, всегда будут искать и находить, кого убить, истребить. У нас вон еще не все крестьянство доистреблено...* [12. Т. 10. С. 611].

б) Прагматический макрокомпонент значения – ассоциативные и эмоционально-оценочные смысловые признаки, приобретенные словом *крестьянин* 2 в контексте произведений В.П. Астафьева: 1) внутренний облик человека (терпение, покорность, нежелание думать, в очень редких случаях – жизнестойкость, внутренняя сила); 2) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (сострадание в соединении с негодованием).

в) Лингвистический комментарий к выделенным ассоциативным и эмоционально-оценочным смысловым признакам слова *крестьянин* 2.

Говоря о крестьянах как о представителях класса, уничтоженного советской властью, писатель подчеркивает их терпение, покорность, запуганность, нежелание думать: *Поскольку пленные были сплошь почти рядовые, а рядовых от века поставляла деревня, то вот она, на колени поставленная советской властью, забитая, запуганная, тупая масса крестьян, и оказалась так хорошо подготовленной для тяжелой доли пленного <...>* [12. Т. 5. С. 350].

Писатель сравнивает крестьян со стадом: *Ныне известно, каким покорным многочисленным стадом брели русские крестьяне в гибельные места на мучение и смерть. Они позволяли с собой делать все, что хотела делать с ними куражливая, от крови осатаневшая власть* [12. Т. 5. С. 348].

Из произведений В.П. Астафьева выходит, что советская власть не только разорила крестьян, физически уничтожила многих из них, но и изменила их внутренний облик, сломала нравственно. Только немногим удалось сохранить жизненную стойкость, внутреннюю силу: *Где-то в Заполярном круге мыкались, умирали, приспосабливались к новой, неслыханной жизни сибирские крестьяне, и, что самое поразительное, часть из них, пройдя все муки ада, заломала эту самую жизнь, приспосабливалась к ней и приспосабливала ее к себе* [10. Т. 5. С. 350].

Таким образом, по смысловому признаку 'внутренний облик человека' *крестьянин 1* и *крестьянин 2* совершенно не совпадают: уравновешенный, солидный, уверенный, надежный, с чувством собственного достоинства, думающий о смысле жизни *крестьянин 1* – полная противоположность терпеливому, покорному, не умеющему думать *крестьянину 2*.

Конечно, не во всех контекстах можно отчетливо разделить два значения слова *крестьянин*, в некоторых случаях они совмещаются в одном словопотреблении. Слово *крестьянин* является именем концепта, обладающего функцией эквивокации, благодаря которой реализуется фундаментальный принцип отношения слова как двусмысленности мира, «в котором нет места однозначности, категоричности и ограниченности» [19. С. 11].

Функция эквивокации объясняет и двойственное отношение автора к крестьянам: с одной стороны, он им сочувствует, сострадает, испытывает боль за то, что с ними случилось, подчеркивает их невиновность: *Спустя годы и годы я смотрел следственное и судебное дело, читал протоколы допросов и еще и еще поражался тому оглушительному бесправию, той оголтелой среде, в которую попали и от которой тысячами, затем и миллионами гибли ни в чем не повинные русские крестьяне и рабочие мужики* [12. Т. 5. С. 334–335].

С другой стороны, покорность, терпение, беспечность крестьян его возмущают: *Нет на свете ничего подлее русского тупого терпения, разгильдяйства и беспечности. Тогда, в начале тридцатых годов, сморкнись каждый русский крестьянин в сторону ретивых властей – и соплями смыло бы всю эту нечисть вместе с наседающим на народ обезьяноподобным грузином и его приспешниками. Кинь по крошке кирпича – и Кремль наш древний со вшивотой, в ней засевшей, задавило бы, захоронило бы вместе со зверующей бандой по самые звезды. Нет, сидели, ждали, украдкой крестились и негромко, с шипом воняли в валенки. И дождались!* [12. Т. 5. С. 344].

Выводы. Сравнение семантики слова *крестьянин* в дискурсе В.П. Астафьева с толкованием этого слова в словарях показало, что в астафьевских текстах происходит семантический сдвиг в когнитивном макрокомпоненте первого и второго значений слова *крестьянин* и добавляется прагматический макрокомпонент в обоих его значениях.

В семантике слова *крестьянин* отразились важные особенности мировидения В.П. Астафьева: для писателя процесс истребления крестьян как класса во многом обусловлен тем, что у них отобрали землю. В.П. Астафьев категорически не согласен с социалистической идеологией, согласно которой «нормальные» крестьяне при новом строе сообща владеют средствами производства.

Существенное различие прагматических макрокомпонентов первого и второго значений слова *крестьянин* подтверждает важность выделения его коллективного и индивидуального значений для дискурса В.П. Астафьева.

Отметим также, что прагматический макрокомпонент значения слова, не зафиксированный в рассмотренных выше словарях, в значительной степени связан с социальной сферой функционирования языка. Так, «Словарь русского арго» дает такое толкование слова *крестьянин*: «**1.** Простоватый, необразованный (но обычно с хитрецей, жадноватый) человек. **2.** только *мн.* Вши. **2.** – из *уг.*» [20]. Эти значения основаны на коннотациях, имеющихся у слова в его основном значении, и указывают на отрицательную оценку людей, называемых данным словом. Таково отношение к крестьянам представителей уголовного мира.

В.П. Астафьев же кровно связан с крестьянами, его предки – крестьяне. Поэтому не случайно описание идеальной человеческой жизни, того, как должен жить человек, в книге «Последний поклон» вложено в уста бабушки-крестьянки: *Но бабушка все, что мне казалось так мудрено, тут же объяснила житейски-просто, крестьянским опытом, древним умом и памятью ведала одну истину: все вокруг должно стоять и лежать на определенном месте – и дом, и пашня, и огороды, и лес, и горы вокруг, хозяйство и деяния человека в нем должны знать границу, должны быть очерчены жердями, заплотом, межой, дорогой, распадом, речкой, за которую не хождено и не-зачем ходить, стало быть, и думать, что там дальше, – незачем, всей земли не охватишь, вся она в Божовом распоряжении, только Ему и досягаемо всю ее озреть с небесной высоты: Ему и заботиться о ней, страдать большими страданиями, потому как один за всех. Человек должен трудиться и не роптать, а роптать, так про себя, помня про Божьи благодеянья, забывая обиды и все, что в его, Божьего человека, зрении и распоряжении есть до гвоздя, до щепки, до кисейной занавески на окне, должно быть известно, когда и за сколько приобретено, зачем оно тут есть и зачем будет, все должно быть поставлено в тот ряд, который и есть не что иное, как человеческая жизнь* [12. Т. 5. С. 187].

Литература

1. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2011. 411 с.
2. Демешкина Т.А. Репрезентация категории пространства в эпистолярном дискурсе Н.В. Гоголя // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 2 (10). С. 11–17.
3. Крюкова Л.Б. Лингвистическое моделирование процессов восприятия в поэтическом тексте // Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А. и др. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск, 2006. С. 141–187.
4. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
5. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. «Что такое плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 4 (24). С. 6–19.
6. Караулов Ю.Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове ГОРЯЧИЙ у Пушкина и Достоевского) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2003. № 4. С. 110–118.

7. Вежибицкая А. Толкование эмоциональных концептов / пер. с англ. О.Н. Ляшевской // Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 326–375.
8. Апресян Ю.Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. VIII–XI.
9. Шмелев А.Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия // Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. С. 306–313.
10. *Русский семантический словарь*: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 1998. 807 с.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998.
12. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997.
13. *Разувалова А.И.* Образ северного инородца в прозе В.П. Астафьева // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология, 2013. № 4 (24). С. 96–109.
14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.
15. *Большой академический словарь русского языка* / гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 8: Каюта – Кюрины. М.; СПб.: Наука, 2007. 839 с.
16. *Толковый словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. Т. 1: А–К. 844 с.
17. *Словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: К–О. М.: Рус. яз., 1986. 736 с.
18. *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998, 2009. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>
19. *Алефиренко Н. Ф.* Смысл как лингвофилософский феномен // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 1 (21). С. 5–14.
20. *Елистратов В.С.* Словарь русского агро: Материалы 1980–1990 гг. М.: Рус. словари, 2000. URL: <http://slovari.ru>

IDIOGLOSS PEASANT IN V.P. ASTAFIEV'S DISCOURSE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 4 (30), pp. 5–16. DOI 10.17223/19986645/30/1

Bashkova Irina V., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: bbashkova@mail.ru

Keywords: idiogloss, author's worldview, semantics, component analysis, language personality, peasant, V.P. Astafiev.

The article is devoted to the worldview of Victor Petrovich Astafiev and the meaning of the word "peasant" in his books: "Tsar-fish", "The last bow", "Are damned and killed", "Zatesi". Semantic linguopersonology is the theoretical base in this article.

The author of the article uses the concept "idiogloss" which was offered by Yu.N. Karaulov. Idiogloss is a lexical unit which reflects the main ideas of the author and expresses the specifics of his language and style. The word "peasant" is the idiogloss in V.P. Astafiev's discourse, because the theme of destruction of the peasantry is one of the most important in his prose. The research has shown that the idiogloss "peasant" has two main meanings in the prose of V.P. Astafiev.

Peasant 1 – 'villager, he has a house, land, he works, cultivates land'.

Peasant 2 – 'person who belonged to peasantry, to social class which was destroyed by the Soviet power during collectivization'.

Each of these meanings has some semantic features the word acquired in the context of V.P. Astafiev's prose. The research has shown that Peasant 1 and Peasant 2 differ in the semantic feature 'the internal guise of a person'. The balanced, solid, sure, reliable, wise Peasant 1 differs from the patient, obedient Peasant 2 who is not able to think.

Certainly, it is not possible to distinguish distinctly the two meanings of the word "peasant" in all contexts, in certain cases they are combined. The word "peasant" is the name of the concept which possesses the equivocation function. In the unequivocal world there is no place for unambiguity, categoricity and limitation.

The research has shown that the function of equivocation also explains the dual attitude of the author towards peasants. On the one hand, he sympathizes with them, feels sorry for them, emphasizes their innocence. On the other hand, humility, patience of peasants revolt him.

The analysis of the meaning of the word by Russian explanatory dictionaries has shown that D.N. Ushakov's dictionary contains an interpretation closest to Astafiev's understanding. D.N. Ushakov's dictionary reflects the same time as in V.P. Astafiev's books. The interpretation based on the understanding of peasant in K. Marx's works contains a semantic feature 'owns means of production'. The dictionary article contains a hidden sense: peasants as a social class disappear in the capitalist society and in the Soviet Union. V.P. Astafiev openly expressed this sense in his books.

References

1. Bashkova I.V. *Izucheniye yazykovoy lichnosti v sovremennoy rossiyskoy lingvistike* [Study of the language personality in modern Russian linguistics]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2011. 411 p.
2. Demeshkina T.A. Category of space representation in N.V. Gogol's epistolary discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2010, no. 2 (10), pp. 11-17. (In Russian).
3. Kryukova L.B. *Lingvisticheskoe modelirovaniye protsessov vospriyatiya v poeticheskom tekste* [Linguistic modeling of perception processes in a poetic text]. In: Demeshkina T.A., Verkhoturina N.A. et al. *Lingvisticheskoe modelirovaniye situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiyskom diskurse* [Linguistic modeling of perception in regional and Russian discourse]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006, pp. 141-187.
4. Shestakova L.L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: theory, history, modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011. 464 p.
5. Gyngazova L.G., Ivantsova E.V. "What is Bad" by a traditional folk speech culture representative. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 4 (24), pp. 6-19. (In Russian).
6. Karaulov Yu.N. Mir pisatelya v zerkale leksicheskoy semantiki (o slove GORYaChIY u Pushkina i Dostoevskogo) [The world of the writer in the mirror of lexical semantics (the word HOT in the works of Pushkin and Dostoevsky)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*, 2003, no. 4, pp. 110-118.
7. Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1997, pp. 326-375.
8. Apresyan Yu.D. *Predislovie* [Preface]. In: Apresyan Yu.D. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, pp. VIII-XI.
9. Shmelev A.D. "Yazykovaya kartina mira" i "kartina mira teksta": tochki vzaimodeystviya ["The language picture of the world" and "picture of the world of the text": the interaction points]. In: Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables in the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 306-313.
10. Shvedova N.Yu. (ed.) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. A dictionary systematized by classes of words and meanings]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. Vol. 1, 807 p.
11. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1998.
12. Astafiev V.P. *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected works. In 15 vols.]. Krasnoyarsk: Ofset Publ., 1997.
13. Razuvalova A.I. Image of a North "inorodetz" in V. Astafiev's prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 4 (24), pp. 96-109. (In Russian).
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AZ" Publ., 1993. 960 p.
15. Gorbachevich K.S. (ed.) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. Vol. 8, 839 p.
16. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1994. Vol. 1, 844 p.

17. Yevgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: Russkiy yazyk, 1986. Vol. 2, 736 p.

18. Kuznetsov S.A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint Publ., 1998, 2009. Available at: [http:// www. gramota.ru / slovari](http://www.gramota.ru/slovari).

19. Alefirenko N.F. Sense as linguistic philosophic phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 1 (21), pp. 5-14. (In Russian).

20. Elistratov V.S. *Slovar' russkogo argo: Materialy 1980 – 1990 gg.* [Russian Jargon Dictionary. Materials of 1980-1990]. Moscow: Russkie slovari Publ., 2000. Available at: <http://slovari.ru>.